

Интертекстуальность в романе М. Миллер «Цирцея»

Крикливец Е.В., Палубец М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Мадлен Миллер – современный американский автор. Её знаменитые произведения, такие как «Песнь Ахилла» и «Цирцея», произвели фурор в литературном пространстве, благодаря необычной интерпретации мифологических сюжетов и их адаптации к реальности современного мира. М. Миллер поднимает вопросы, волнующие общество нашего времени, и транслирует их через призму прецедентных античных сюжетов. Поэтому можно смело заявлять об актуальности интертекстуального анализа романов М. Миллер. Интертекстуальность представляет собой диалогические или полилогические связи между текстами. Вопрос о взаимодействии метатекстов и прототекстов обсуждается уже давно. В литературоведении эта проблема рассматривалась в контексте заимствований, литературных влияний, подражания и пародии, тогда как в стилистике и лингвистике текста акцент делается на цитатах, аллюзиях, реминисценциях, перифразах и ссылках.

Цель публикации – выявить специфику интертекстуальных связей в романе М. Миллер «Цирцея».

Материал и методы. Материалом исследования послужил роман М. Миллер «Цирцея». Роман представляет собой яркое явление в современной зарубежной литературе, поднимает актуальную проблематику и одновременно с этим эксплицирует культурный код античных мифов. В работе использовались культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие рассмотреть произведение писателя в социокультурном контексте эпохи и определить особенности литературной рефлексии.

Результаты и их обсуждение. Исследование дает возможность утверждать, что интертекстуальные связи в романе М. Миллер «Цирцея» проявляются как на семантическом, так и на морфологическом уровнях жанровой структуры произведения. Несмотря на сюжетообразующее значение мифологической цитации, роман отличается оригинальностью индивидуально-авторских творческих поисков и злободневностью социально-психологической проблематики.

Заключение. Современная литература содержит множество социальных и культурных импликаций. Ключевыми способами их создания выступают мифологическая цитация и интертекстуальные связи. Роман американского автора М. Миллер «Цирцея» демонстрирует когнитивные и коммуникативные возможности интертекстуальности произведения новейшей художественной литературы.

Ключевые слова: американская литература, современная проза, роман, интертекстуальность, мифологическая цитация.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 142–146)

Intertextuality in M. Miller's novel "Circe"

Kriklivets E.V., Palubets M.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Madeline Miller is a contemporary American author. Her renowned works, such as "The Song of Achilles" and "Circe", have created a stir in the literary world due to their unique interpretation of mythological narratives and their adaptation to the realities of the modern world. Miller raises issues that resonate with society today and conveys them through the lens of precedent ancient stories. Therefore, one can confidently assert the relevance of intertextual analysis of Miller's novels. Intertextuality represents the dialogical or polylogical connections between texts. The issue of the interaction between metatexts and prototexts has been discussed for a long time. In literary studies, this problem has been examined in the context of borrowings, literary influences, imitation, and parody, while in stylistics and text linguistics, the focus is on quotations, allusions, reminiscences, paraphrases, and references.

The aim of the study is to identify the specifics of intertextual connections in M. Miller's novel "Circe".

Material and methods. The research material was M. Miller's novel "Circe". The novel represents a vivid phenomenon in contemporary foreign literature, addressing relevant issues while simultaneously explicating the cultural code of ancient myths. The research utilized cultural-historical and comparative-typological methods, which allowed for an examination of the author's work in the sociocultural context of the era and the identification of features of literary reflection.

Findings and their discussion. The study allows us to assert that intertextual connections in M. Miller's novel "Circe" manifest themselves at both the semantic and morphological levels of the genre structure of the work. Despite the plot-forming significance of

mythological citation, the novel stands out for its originality in the author's individual creative pursuits and the relevance of its social and psychological issues.

Conclusion. Contemporary literature contains numerous social and cultural implications. The key methods for their creation are mythological citation and intertextual connections. The novel "Circe" by American author M. Miller demonstrates the cognitive and communicative potential of intertextuality in modern literary works.

Key words: American literature, contemporary prose, novel, intertextuality, mythological citation.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 142–146)

Термин «интертекстуальность» был введен во второй половине XX века. Теория интертекстуальности начала активно разрабатываться с 1980-х годов. Сам термин и связанное с ним понятие были разработаны и внедрены в литературоведческую практику теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой [1]. Она обобщила распространенные взгляды на мировую литературу (а в более широком смысле – культуру) как на универсальный интертекст, в котором все его элементы находятся в состоянии постоянного взаимодействия [1]. В последние годы межтекстовая связь рассматривается в гуманитаристике и с точки зрения языковедческих анализов, что, по мнению В.Е. Чернявской, привело к «значительной масштабности и глобальности» в исследовании текстового влияния [4].

Обновленную интерпретацию получило известное положение М. Бахтина, которое утверждает, что практически все произведения находятся в диалогических отношениях, взаимодействуя не только с отраженной в них реальностью, но и с автором, читателем, а также литературным процессом как прошлого, так и настоящего. В рамках теории полифоничности Михаил Бахтин утверждает, что высказывание не может существовать в изоляции: «Ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно представляет собой лишь звено в цепи и вне этой цепи не подлежит анализу» [2].

Цель публикации – выявить специфику интертекстуальных связей в романе М. Миллер «Цирцея».

Материал и методы. Материалом исследования послужил роман М. Миллер «Цирцея». Данное произведение представляет собой яркое явление в современной зарубежной литературе, поднимает актуальную проблематику и одновременно с этим эксплицирует культурный код античных мифов. В работе использовались культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие рассмотреть произведение писателя в социокультурном контексте эпохи и определить особенности литературной рефлексии.

Результаты и их обсуждение. Основным видом межтекстовых связей, используемых М. Миллер в романе «Цирцея», является реминисценция. Она представляет собой более сложную форму интертекстуальности. Автор не использует «вырезанные» из текстов фрагменты, а творчески интерпретирует мифологический сюжет, создавая на его основе свой собственный [1]. Интертекст в романе «Цирцея» не только внешний атрибут. Изобилие реминисценций на древнегрече-

ские мифы создает впечатление интертекстуального кода романа. Читателю предстоит разгадать значение этого кода. Чтение начинает ассоциироваться с особым ритуалом, сутью которого является дешифровка отношений между прочитанным текстом и претекстом, который подвергся авторской интерпретации.

На протяжении всего повествования перед нами предстают мифические персонажи. Это довольно частотная форма интертекста, когда автор перемещает древнегреческих богов и титанов в современный мир. Однако М. Миллер действует иначе, что отличает ее сюжеты от классического современного фэнтези. Она воссоздает античный мир, но размышляет о социально-психологической мотивации древнегреческих богов. Что заставило их так поступить? Стать такими? Какие именно мотивы у них были?

Сюжетно-композиционная структура романа «Цирцея» реминисцирует с «Одиссеей» Гомера. Культурное произведение представляется нам в совершенно иной интерпретации, благодаря увлечению М. Миллер творчеством Шекспира. Писатель наделяет героев драматичной судьбой. Отметим, что «Одиссея» стала лишь базой романа. В него также были включены элементы других мифологических моделей древнего мира, формирующие сюжет.

Можно выделить несколько ключевых элементов, составивших интертекстуальную основу романа М. Миллер «Цирцея».

1. *Мифологические корни.* Роман «Цирцея» основан на древнегреческой мифологии, отсылающей к первоисточнику – «Одиссее» Гомера. Цирцея – мифологический персонаж, наделенный магией, известный тем, что превращает мужчин в свиней. Миллер переосмысливает этот миф, придавая Цирцее трагическую глубину и человечность. Творческая практика М. Миллер демонстрирует, как традиционные мифы могут быть переосмыслены и адаптированы для современного восприятия. В «Одиссее» Цирцея представлена как злая колдунья, но в романе Миллер она становится жертвой обстоятельств, женщиной, которая борется с одиночеством и стремится найти свое место в мире, что подчеркивает амбивалентность женской натуры – силу и уязвимость.

2. *Литературные аллюзии.* М. Миллер активно использует аллюзии на другие литературные произведения, что обогащает текст и создает многослойность. Например, отсылки к произведениям таких авторов, как Овидий и Вергилий, создают контекст для понимания Цирцеи как символа трансформации и изменений.

3. *Темы любви и предательства.* В «Цирцее» исследуются сложные отношения между персонажами, которые также имеют свои мифологические корни и параллели. Так, взаимоотношения Цирцеи и Одиссея можно сопоставить, например, с любовью Психеи и Эроса. Оба сюжета исследуют темы жертвы и страсти, а также сложности взаимодействия между мужчиной и женщиной.

4. *Гендерная интерпретация.* М. Миллер переосмысливает традиционные гендерные роли женщин в мифах, давая голос персонажу, который обычно оставался на заднем плане. В отличие от других женских персонажей древнегреческой мифологии, которые часто изображаются как пассивные жертвы или манипуляторы, Цирцея становится активным вершителем своей судьбы. Это изменение парадигмы позволяет читателю по-новому взглянуть на роль женщины в социуме.

5. *Пантеизм.* Природа играет ключевую роль в романе, и интертекстуальные отсылки к другим произведениям искусства и литературы усиливают этот аспект. Цирцея живет на острове Эйя, который становится символом ее внутреннего мира. Остров можно сравнить с другими изолированными пространствами в литературе, такими как остров Беккета или мир «Гарри Поттера». Эти пространственно-временные континуумы становятся символами как заточения и отшельничества, так и духовной свободы, что подчеркивает внутренние конфликты Цирцеи.

Рассмотрим каждый из названных элементов подробнее. Литературная рецепция традиционного мифа о Цирцее выглядит в романе следующим образом. Цирцея, представленная в «Одиссее» как «богиня ужасная с речью людскою», предстает перед читателями романа М. Миллер беззащитной маленькой наядой, не знавшей родительской любви и гонимой ревностью. В оригинале мифа Цирцея безжалостно превратила команду Одиссея в свиней. В романе поступок героини объясняется ее уязвимостью перед большим количеством мужчин, видевшим в ней не что иное, как плоть, которую они жаждут заполучить [3].

Одним из знаковых персонажей произведения М. Миллер выступает Прометей, который, рискуя, дарует людям огонь, за что должен жестоко поплатиться. В романе раскрываются мотивы его поступка. «Не всем богам быть одинаковыми» [3, с. 28], – утверждает свое право на осознанный выбор и жертвенность Прометей. События, описанные в романе М. Миллер, согласуются с мифологическим каноном, однако короткий диалог между героями углубляет их философское значение и гуманистическую направленность.

Сциллу мы видим в облики не ужасного морского чудища, а прекрасной нимфы. И далее автор повествует нам о трагической ситуации, в результате которой Сцилла пострадала от ревности Цирцеи, и последняя, сама того не желая, превратила ее в ужасное морское чудовище. Претекстом в данном случае служит миф о Сцилле и Харибде.

Миф о Пасифае Мадлен Миллер раскрывает нам с совсем иной стороны. В романе Пасифаю не окол-

довали и не насладились на нее чары в отместку за обман Миноса. Автор придает социальное звучание этому событию. М. Миллер экстраполировала гендерное неравенство современного мира на античный сюжет, и мотивом Пасифаи стало желание держать царя Миноса в узде. С ее слов, «Миносу не царица нужна, а приторный кисель, чтобы сидела в кувшине да размножалась до смерти» [3, с. 161]. Минотавр же стал ее козырем в рукаве, чтобы Минос не смел насмехаться над ней. Поэтому сразу после рождения Минотавра Пасифая выкрикивает: «Не навредите ему, он должен жить!» [3, с. 136]. Дедал становится соучастником затеи Пасифаи, однако, в отличие от оригинального сюжета, лишь потому, что Пасифая угрожала ему расправой с сыном Икаром. Финал этой истории соответствует мифологическому сюжету.

Образ Одиссея в романе М. Миллер изобилует противоречиями. Если в эпосе Гомера он умный стратег, благодаря которому его команда уцелела и вернулась домой, то в «Цирцее» его подвиги интерпретируются через призму человеческих слабостей, а многие поступки выглядят жестокими и необоснованными. Цирцея, пересказывая подвиги Одиссея Телегону, отмечает: «Я стала вдруг запинаться, умалчивать, переиначивать. Теперь, стоя перед лицом сына, их жестокая суть стала как никогда очевидной» [3, с. 283]. Так же переосмысливается и роль Афины. Она не просто давала Одиссею свое покровительство, но и маниакально опекала его, сменяемая женской ревностью.

Аллюзии подразумевают отсылку к другим прецедентным произведениям культуры и литературы. В романе М. Миллер «Цирцея» можно выявить аллюзии на целый ряд произведений, вошедших в сокровищницу мирового литературного наследия.

«Божественная комедия» Данте Алигьери. В некоторых эпизодах романа прослеживаются отсылки к концепции ада и искупления грехов. Цирцея как персонаж, который сталкивается с последствиями своих действий и ищет прощения и понимания, вызывает ассоциации с путешествием героя Данте по кругам ада. Эта идея внутреннего покаяния, искупления и поиска своего места в мире становится лейтмотивом всего романа. Цирцея признает себя виновной в судьбе Сциллы: «Мне от нее никогда не избавиться. Ее не сделать прежней – ни сейчас, ни после. Какая она есть, такой и останется. И вечно будет угощаться вашим братом. Так что вставайте. Вставайте, беритесь за весла, и чтоб я больше не слышала о вашей нелепой благодарности, или заставлю вас пожалеть об этом» [3, с. 128].

«Фауст» Иоганна Вольфганга фон Гёте. Тема стремления к знаниям и последствия этого стремления также присутствует в «Цирцее». Как Фауст, заключивший сделку с Мефистофелем, Цирцея исследует границы своих возможностей, взаимодействуя с магией и таинствами природы. Ее желание понять мир вокруг себя и свои силы приводит к трансформации, что напоминает путь Фауста. Героиня свидетельствует: «Вот что я поняла: колдовство не боже-

ственная сила, приводимая в действие мгновенно, одной мыслью. Его нужно творить, нужно трудиться – замышлять и искать, выкапывать, сушить, крошить и растирать, готовить, приговаривать и припевать» [3, с. 92]. «А чародейство – тот самый тяжкий труд и есть. Нужно отыскать, где всякое растение гнездится, всякое собрать в свое время, выкопать, перебрать, очистить, помыть, подготовить» [3, с. 93].

«Сказания о древней Греции» Эдит Гамильтон. Эта работа о мифах и легендах Древней Греции также служит контекстом для понимания персонажей романа «Цирцея» и их мотивации. М. Миллер использует элементы греческих мифов, чтобы создать более глубокую историю о Цирцее, показывая ее как часть более широкого мифологического гипертекста.

«Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт. Тема взаимоотношений между сестрами, женской дружбы, вражды, соперничества, понимания и конфликтов также находит отражение в романе М. Миллер. Признавая невозможность сестринской любви и поддержки, Цирцея размышляет: «Я не могла забыть лицо сестры, ее немую оторопь, когда сказала ей, что такой, как она, в жизни не буду. А чего она ждала? Что мы станем посылать друг другу весточки в клювах морских птиц? Делиться друг с другом заклетами, бороться с богами? И сможем наконец стать сестрами, пусть и не совсем обычными? Я попыталась это представить: наши головы склоняются над зельями, она смеется, изобретая какую-нибудь хитрость. И тут размечталась о множестве несбыточных вещей. Будто я раньше поняла, какова она. Будто выросли мы не в блистающих дворцах, а где-нибудь в другом месте. Будто я могла ослабить ее яды, отвадить ее от издевательств и научить собирать лучшие травы» [3, с. 171].

В творчестве М. Миллер также активно прослеживаются шекспировские мотивы, которые писатель использует, чтобы углубить эмоциональную палитру и сложность персонажей, создать многослойный текст.

Тема любви и предательства. В пьесах У. Шекспира «Ромео и Джульетта», «Отелло» любовь часто сопровождается трагедией и предательством. В «Цирцее» героиня также испытывает глубокие чувства, но сталкивается с предательством и непониманием, что создает драматическую напряженность, схожую с шекспировскими трагедиями, ставит героиню в ситуацию нравственного выбора: «Пасифая посоветовала бы привязать Одиссея приворотным зельем. Ээт сказал бы, что нужно украсть его разум. Я вообразила его лицо, свободное от всяких мыслей, кроме вложенных мной. Он будет сидеть у моих ног, глядеть на меня с обожанием, поглупевший, пустой» [3, с. 241]. «Я держалась, пока могла, но Пенелопа была как болячка, которую нельзя не сковырнуть» [3, с. 239].

Конфликт между личным и общественным. У. Шекспир часто исследует конфликт между внутренними желаниями персонажей и общественными ожиданиями. Цирцея, как полубогиня и изолированная фигура, должна балансировать между своим

желанием быть принятой и ее природой, которая противоречит нормам общества. Этот внутренний конфликт создает драму, аналогичную тем, что встречаются в шекспировских пьесах: «Теперь я понимала, почему Ээт был столь дерзок и возвышался над отцом словно горный пик. Творя волшебство, я ощущала тот же размах, тот же вес. Я наблюдала, как движется по небу пылающая колесница отца. Ну? И что ты теперь мне скажешь? Ты выкинул меня воронам, но оказалось, мне с ними лучше, чем с тобой» [3, с. 98].

Сложные женские образы. У. Шекспир создает глубокие и разносторонние женские персонажи, такие как Гермиона из «Зимней сказки» или Клеопатра из пьесы «Антоний и Клеопатра», которые обладают одновременно силой и уязвимостью. Цирцея в романе М. Миллер – это также сложный женский образ, который сочетает в себе силу магии, мощный внутренний стержень и эмоциональную уязвимость. Она борется с обществом, которое ее осуждает, и ее развитие напоминает путь шекспировских героинь, стремящихся к самовыражению: «Но ты всегда был осторожным, отец. Я выстояла против Афины, ты знаешь. Спустилась в беспросветные глубины. Ты не можешь угадать, какие чары я наложила, каких ядов набрала, чтобы защититься от тебя, и как твоя собственная сила, срикошетив, может ударить по тебе же. Кто скажет, что во мне скрыто? Хочешь узнать?» [3, с. 387].

Тема трансформации. В шекспировских пьесах часто встречается тема метаморфоз – как физических, так и психологических. Цирцея проходит через множество изменений: от нелюбимой дочери титана до могущественной волшебницы, которая учится управлять своими силами. Эта трансформация коррелирует с шекспировскими мотивами изменения идентичности и самопознания.

Отметим, что в романе М. Миллера «Цирцея» интертекстуальность служит мощным инструментом для актуализации гендерной проблематики, связанной с женской идентичностью и социальной ролью. Автор переосмысляет классические мифы, превращая Цирцею из пассивного персонажа в активную героиню, которая борется за свою свободу и право выбора. Это позволяет читателю увидеть в героине женщину, стремящуюся к самопознанию и независимости.

М. Миллер демонстрирует, как общественные нормы и ожидания формируют женскую судьбу. Например, Цирцея сталкивается с предвзятостью и стереотипами, которые окружают женщин, что отражает социальные проблемы современности. В отношениях героини с возлюбленными проявляется динамика власти, где она должна постоянно балансировать между желанием быть любимой и необходимостью сохранять личные границы.

Образ Цирцеи как саморазвивающейся личности также перекликается с проблематикой работ современных ученых, которые исследуют темы самоидентификации и личной силы. Например, ее взаимодействие с другими женскими персонажами (богинями,

нимфами, людьми) показывает важность женской солидарности и поддержки в мире, где женщины часто находятся в противостоянии друг с другом. М. Миллер создает пространство, где женская дружба становится источником силы и вдохновения, что является важным аспектом современной литературы. Кроме того, роман затрагивает вопросы познания своего женского начала, показывая, как Цирцея учится понимать и принимать свои чувства. Ее опыт любви и страсти не сводится к романтическим отношениям с мужчинами, он также включает в себя самопринятие и осознание своей силы как женщины. Это отражает представления автора о том, что женщины имеют право на свои желания и должны быть свободны в их выражении.

Символика природных образов в романе Мадлен Миллер «Цирцея» играет важную роль в отражении внутреннего мира главной героини. Окружающее не просто фон для событий, но активный участник повествования, который взаимодействует с персонажами и подчеркивает их эмоциональные состояния. Рассмотрим основные аспекты символизма природы в романе.

Остров Эя – это, с одной стороны, место уединения и самопознания, где Цирцея может развивать свои магические способности и находить гармонию с собой. С другой стороны, остров становится символом ее изоляции и одиночества. Эта неоднозначность пространственно-временного континуума, в котором пребывает героиня, отражает внутренние противоречия Цирцеи, ее стремление к независимости и одновременно страх перед одиночеством. Остров меняется вместе с Цирцеей. В моменты ее счастья и самореализации природа вокруг цветет и благоухает, в то время как в моменты страха или печали она становится мрачной и угнетенной. Это вызывает сильный эмоциональный отклик у читателя и подчеркивает связь между внутренним состоянием героини и окружающей средой.

Растения на острове Эя также играют важную роль в символизме романа. Цирцея использует травы и растения для создания зелий и магии, что указывает на ее связь с природой и ее способности к трансформации. Растения становятся метафорой изменений, которые происходят в жизни Цирцеи, а также ее способности адаптироваться к обстоятельствам. Животные, обитающие на острове, символизируют инстинкты и первобытные желания, что подчеркивает конфликт между цивилизацией и природой. Цирцея, превращая мужчин в животных, ставит под сомнение их человечность и моральные качества.

Образ воды в романе часто символизирует очищение и перерождение. Цирцея использует воду как средство для исцеления. Например, купание в море

может быть интерпретировано как акт освобождения от старых травм и начало новой жизни. Вода также служит местом размышлений и самоанализа для Цирцеи, создавая пространство для внутреннего диалога. Кроме того, образ воды связан с экзистенциальными категориями жизни и смерти. Моменты, когда Цирцея соприкасается с водой, часто свидетельствуют о важных событиях в ее буднях, таких как утраты или новые начинания. Это создает ощущение цикличности событий и неизбежности изменений.

Природные стихии – ветер, земля, огонь – служат метафорами эмоций и внутренних конфликтов Цирцеи. Например, бурный ветер может отражать ее гнев или смятение, тогда как спокойное море символизирует мир внутри нее. Цирцея как полубогиня имеет связь с природой силами, что подчеркивает ее уникальность и место в мире мифов. Эта связь позволяет ей взаимодействовать с природой на более глубоком уровне. Таким образом, описание света и природных явлений становится действенным способом исследования нравственной идентичности и эмоционального состояния героев романа М. Миллер «Цирцея».

Заключение. Можно утверждать, что интертекстуальная основа романа М. Миллер «Цирцея» отражает способы индивидуально-авторской интерпретации античных мифов, художественной рецепции традиций мировой литературы. Импликация культурных кодов античности и классической эпохи создает богатую палитру смыслов и тем, которые продолжают оставаться актуальными в современном обществе. Опираясь на творчество предшественников, современный американский автор поднимает проблемы социальной, гендерной и нравственной идентичности, говорит о необходимости духовной трансформации и ответственности за совершенный нравственный выбор, пытается повлиять на ценностную ориентацию читателя.

Литература

1. Арнольд, И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика / И.В. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. – С. 4–12.
2. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог, роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – № 4. – С. 5–23.
3. Миллер, М. Цирцея: роман / М. Миллер; пер. с англ. Л. Трониной. – М.: АСТ, 2024. – 432 с.
4. Чернявская, В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Чернявская Валерия Евгеньевна; СПбГУ. – СПб., 2000. – 448 л.

Поступила в редакцию 08.04.2025